

УДК 14+681.142.37+1.14

Л.В. Нургалеева

МУЛЬТИРАЦИОНАЛЬНОЕ И ТРАНСВЕРСАЛЬНОЕ. ПРОЕКЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ

Рассматриваются вопросы изучения генезиса мультирациональности в аспекте современной коммуникативной онтологии. Делается акцент на особенностях практик наблюдения, включенных в действие и их когнитивный контекст. Выявляется соотношение понятий «мультирациональное» и «трансверсальное».

Ключевые слова: коммуникация, мультирациональные основания человеческой деятельности, трансверсальный разум.

Формирование современной системы образования, поощрение практик свободного экспериментирования в науке, искусстве и технической сфере привели к возникновению уникальной ситуации в обществе, когда плюрализм мнений стал восприниматься как основной ресурс социальных значений, а априорным основанием современных способов концептуализации социальности – радикальный конвенционализм. Этот процесс нашёл своё выражение и в принципах эмансипации рациональности. В науке её интегральное антрополого-коммуникативное понимание стало занимать всё более заметное место. Идея целостного разума была конвертирована в идею, позволяющую признать независимое множество типов рациональностей и исследовать основания их дивергенции подобно тому, как это делается в естественнонаучных исследованиях. В научный оборот было введено понятие «мультирациональность». Его трактовка во многом была обусловлена практикой наблюдений за социокультурными изменениями и соответствующими им стратегиями действия и мышления [1].

Исследуя возможный спектр представлений о мультирациональном, можно сказать, что оно воспринимается в первую очередь как совокупность способов идеализации разных аспектов реальной жизни, выражающая некий метапринцип совмещения разных логик, объективирующих взаимосвязь всех форм человеческого опыта. Мультирациональное как условие синтеза коммуникативных практик позволило зафиксировать комбинаторную сложность разных топосов рациональности и их соотносительность в социальном пространстве изменений. Развитие стратегий инструментализма и операционализма в реализации проектов, связанных с организацией человеческого общения, трансформировало сам опыт наблюдений за явлениями реальности, обнажая выраженную дифференцированность логик мышления и восприятия. Так, например, современное пространство электронных коммуникационных связей по существу представляет собой открытое эмпирическое пространство наблюдений, позволяющих изучать сложную комбинаторику мультирационального включения в мышление другого на основе интермедиального дискурса. Нарращивание опыта по обмену персонифицированной информацией

способствовало интенсивному разворачиванию новых форм соорганизации человеческой деятельности.

Важные теоретические аспекты мультирационального дискурса были сформулированы в условиях кризиса рациональности. Гносеологическая ситуация по разворачиванию философского, методологического и научного типов рациональностей всё в большей степени разрушала идею единства разума. Если прежде самым значимым звеном суждений являлся вопрос о том, какие качества разума делают возможной достижимость понимания, то теперь на первый план выдвинулась идея о том, что любая система наблюдений предполагает в качестве собственной предпосылки достраивание логики мышления другого. Как отмечает А. Назарчук, универсальная логика предполагает иную логику и всегда существует в полемике с другими логиками [2. С. 246]. Собственная логика, если её рассматривать с процессуальных позиций, – это практика перемещений между разными парадигмальными схемами, доступными познающему разуму. В. Библер отмечает, что «логика разворачивается не только в самообосновании, но и во взаимообосновании различных логик» [3. С. 23]. Бытие не снимается в мышлении, а самоопределяется, укореняясь за его границами. Взаимодействие и взаимопорождение логик обеспечивается чем-то, превосходящим мыслительную деятельность. «Свое» и «универсальное» рациональное существуют как опыт границы, который шлифует возможности идентифицирующего мышления и стимулирует тем самым процесс его изменений. Этот концептуальный подход позволяет показать необычайную сложность референциальных отношений, определяющих специфику коммуникационного действия. Категория объективности при этом преобразовывается в рефлексивность и диалогическую ангажированность. Реальность рассматривается как трансцендентальное условие единства партикулярных горизонтов, образующих собой пространство социального: мир – это то, что заставляет социальных субъектов обеспечивать консенсус, преодолевая границы рационального в собственном мышлении и в актах общественного познания. Становится все более очевидным, что само наличие «микро- и макроформ рациональности» (существование разновидностей восприятия, суждения, организации мышления и опыта) выступает самостоятельным источником культурных значений и предпосылкой эволюционирования социальных отношений. Оно демонстрирует, что основу общения составляет не имеющий завершения дискурсивный процесс. Он служит средством координирования принципиально расходящихся идейных позиций в условиях «непрозрачной» рациональности. Гарантия достижения трансцендентного смысла отсутствует, так как логика изменения коммуникационных связей во многих аспектах уникальна. Она подчинена процессам сопряжения разных эмпирических репрезентаций и трансцендентальных условий, выступая принципом сохранения континуума смысла. Контекст мультирациональности более объемно обнаруживает себя на фоне признания структурного разнообразия типов рационального отношения к действительности, вытекающего из специфики видения мира конкретным человеком, сформированной не только социальными и культурными условиями его развития, но и выбираемыми стратегиями действия.

Разработка мультирационального подхода является условием расширения границ исследования природы рационального. Как мы видим, важным методологическим аспектом мультирационального подхода является не только признание поливалентности рациональности в науке, но и возможность акцентирования внимания на процессуальных аспектах коммуникации. Их реинтерпретационная сущность позволяет рассматривать мультирациональность как базовый координационный механизм коммуникационных систем и одно из важнейших условий генерации социального знания, разнообразия его дискурсивных форм. В этом контексте можно определить коммуникацию как общность процессов, образующих пространство сосуществования дискурсов разных порядков – общих теоретических трендов и зачаточных микродискурсов повседневности, проявляющих себя в самых разнообразных формах и видах общения. Изучение эффектов, порождающих разнообразие логик мышления, принципов действия, предполагает исследование закономерностей трансформации и консолидирования идей. Они обусловлены комбинаторной сложностью разных топосов восприятия и оценки реальности, формируемой физиологическими, психологическими и культурными особенностями личности и ситуационным характером её действий. Рациональность не существует иначе как в мультирациональной форме, проявляясь на стыках взаимопереходов индивидуальных смыслов в пространстве коммуникативных потоков. С этой точки зрения мультирациональное может стать предметом изучения множественности форм восприятия и описания реальности, как референтных совокупностей, порождающих смыслы и наполняющих коммуникацию стратегиями действия.

Генезис мультирационального может исследоваться как процесс различения наблюдения и действия. По мнению Б. Верлена, действие представляет собой атом социального универсума, поверх которого конституируется общество как преимущественно смысловая реальность [4. С. 23]. Каждое конкретное действие формирует мультирациональный контекст. Оно представляет собой сложную импровизацию, выстроенную на применении разных типов рационального, спонтанного и эмоционального. Будучи включенными в кристаллизованном состоянии в динамику интересубъективных отношений, разные формы рационального проявляют способность к порождению действия. Телоцентричность познавательного опыта основана на сложной системе пространственных наблюдений и множественности форм репрезентации пространственного опыта. Их основной источник – аналитическое различение физического и смыслового аспектов действия, где ключевым звеном становятся процессы самореференции – процессы фиксации места наблюдателя в концептуальных построениях, сущностно опосредованных движением тела, кинестетическими ощущениями [5. С. 164–175]. Знание места не индивидуально. Конституция объективного положения и объективной пространственности происходит на уровне интертелесного общения. Например, простейшая попытка определения места представляет собой синтезированную в наблюдении и действии концепцию. Она представляет собой сложный процесс ориентирования в пространстве, так как область телесного соприсутствия является областью потенциально возможных перемещений. «Если наблюдатель действует и если он пространственен, то его действие есть дейст-

вие тела – движение, перемещение, пусть даже не реальное, а воображаемое, но в принципе возможное. Тогда исчезает различие наблюдателя и участников наблюдаемого взаимодействия... Для некоего иного наблюдателя возможна иная точка зрения: он видит некоторый более обширный контекст взаимодействия, в котором действующим является также и первый наблюдатель. Это может продолжаться до бесконечности. Различение наблюдения и действия имеет логический, аналитический характер. Идентификация места наблюдателя имеет не только перспективу, но и ретроспективу, опыт состоявшихся перемещений» [5. С. 129–131]. В известном смысле знание места представляет собой разделяемое участниками знание, не совпадающее с данностью некоторой территории в восприятии. Идентификация места наблюдателя задает все виды практической эквивалентности в системе различений социального мира. Она лежит в основе известной идеи «человек – это социальная практика».

Практическая идентификация места всегда соотносится с контекстом действия. Его коммуникативную природу определяет тот факт, что другие смотрят на мир в иной перспективе. Соорганизация разных аспектов видения характеризует сложную природу мультирационального. Проективность иного местоположения связана с потоковыми эффектами психики: любое коммуникативное событие влечет за собой другое и выявляет свернутые в нем возможности осмысления реальности. Одно и то же событие может быть действием и наблюдением в зависимости от времени и перспективы наблюдения. При этом оно будет нести в себе признаки своего/чужого места, так как наблюдатель может занимать такую позицию, которая позволяет видеть себя извне. Это позволяет определить систему параметров в изучении генезиса мультирационального с учетом того, что материальная среда служит рационально конструируемым артефактом, где различие наблюдения и действия составляет основу описаний реальности. Как мы уже отмечали, этот процесс носит аналитический и контекстуальный характер. Он строится на логике оператора движения, формирует не линейные последовательности коммуникационных событий, а сложную сеть взаимосвязанных операций в пространстве и времени.

Генезис мультирационального определяет единство действия и его осмысления. Эволюция сложной сетевой структуры перцептивно-логических отношений в обществе и культуре, обладающих разными параметрами идеализаций, методами абстрагирования, логической базой аргументации, разнообразием коммуникационных связей и отношений, является результатом мультирациональных оснований коммуникации. Коммуникация построена на принципах непрерывной трансформации смысловых элементов, определяющих свое место в контексте событий и стимулирующих перцептивные действия мышления. Проблема, связанная с тем, как действие перетекает в коммуникативное действие – действие, опосредованное значениями, – исследована в работах Ю. Хабермаса. Важным аспектом является вопрос о том, что служит основным условием идеализации? Сущность человеческого мышления заключается в том, что оно «нагружает» действие переходом к представлениям о пространственности и синхронизации уже на бессознательном уровне. Наличие мельчайших когнитивно-эмоциональных элементов, витальных

чувств, мотивационных структур, сопровождающих действие, является тем «субстратом», который позволяет поддерживать и усложнять «фактуру» переходов в процессе осмысления действия. Эмоциональное отношение человека к действительности сопровождается «визуально-изобразительными» действиями воображения. Визуальный образ фетишизирует абстракцию, навязывая её человеческому сознанию как норму, сообщая впечатление авторитета наблюдающему. Этот процесс позволяет реализовать потенцию семантического развития, раскрывая возможности визуального перевода идей в медиальную плоскость – пространство узнавания [6. С. 99]. «Изобразительное действие служит средством обнаружения, экспликации процесса, протекающего, как правило, бессознательно. Оно одновременно экстериоризирует структуру этого цикла, делает его доступным наблюдению извне. При этом время действия переводится в пространство его изобразительного представления, выступающего моделью перцептивной ситуации, в границах которой осуществляется соотнесение видимого и изображаемого. Неадекватность изобразительного перевода побуждает обратиться за новой перцептивной информацией, пространственный образ вновь преобразуется в действие» [6. С. 86]. Движение образов, сопутствующих действию, становится не только объектом разумного восприятия, но и стимулом к включению разнообразных перцептивных циклов, развивающихся в процессе преодоления неопределённости означивания, присутствующей в описаниях реальности. Это порождает феномен мультирационального, несущего в себе черты объективного и субъективного, материального и метафоричного.

Вопрос о генезисе мультирационального может исследоваться в разных тематических плоскостях, однако фундаментальное значение остаётся за изучением методов «скрещивания» логик мышления в процессе общения. Проблема сосуществования рациональностей является центральной в исследованиях В. Вельша [7. С. 102–113]. Он развивает концепт вокруг термина «трансверсальный разум», отводя ему управляющую роль в процессах, поддерживающих соорганизацию множественных типов рациональностей. Это видение соответствует процессуальным представлениям о мультирациональном. Трансверсальное позволяет тематизировать импликации, глубинные структуры, поперечные взаимосвязи, различного рода заимствования и аналогии, которые образуются между рациональностями, реализующими себя в партикулярной перспективе [8]. Понятие «трансверсальный разум» фиксирует внимание на наличии переходов от одного культурного типа рациональности к другому. Обнаружение переходов между разнородными парадигмами заставляет разум действовать диалектически. Природа его единства в движении идей, подчинении логике связанности, выявлении различий и согласованности. При этом трансверсальное объявляется гносеологически нейтральной сущностью, находящейся вне зоны содержательного самоопределения коммуникации. Сферы тематической специализации знания не охватываются представлением о трансверсальном. Оно является проекцией чисто логического, указывая на сущность парадигматических отношений. Его функция – своего рода аналитическая универсальность, которая проявляется в переводе рациональностей из просто рассудочной формы в разумную.

В. Вельш подчиняет свое видение идее целостности разума, показывая, что непостижимость его бесконечной конкретности имеет определенную динамическую основу. Процессы дивергенции рациональностей, расхождения их главных признаков в процессе эволюции становятся возможными благодаря тому, что трансверсальный разум не допускает синтеза противоположностей или устранения различий. Разум выступает фундаментальным посредником мира партикулярных рациональностей, поддерживая их взаимную зависимость и переплетение, реконструируя связи и отношения. Он выступает средством установления всеобъемлющего предельного единства всех возможных форм рациональностей. Каждая из рациональностей являет собой альтернативу для других и тем самым находится с ними в отношениях контингенции. В. Вельш склоняется к универсалистской трактовке разума, показывая, что в современных условиях, заданных плюрализмом, тождество субъектов выражается трансверсальностью. Множественная идентификация субъекта, порождаемая наплывом потоков виртуализации в современной культуре, может конституироваться в качестве целого лишь в силу своей способности совершать переходы между элементами тождества разума. отождествления разума не противоречат его гетерогенной сущности. Содержание современных дискуссий о субъекте больше не является вопросом о рефлексивном открытии самости или дорефлексивном обладании самостью. Центральной становится проблема внутреннего плюрализма и возможной трансверсальности. Как отмечает С. Чукин, эта идея позволяет раскрыть главное свойство субъективности – проницаемость, которая выражается в способности к переходам от одного типа рациональности к другому [9]. Проницаемость характеризует наличие универсального основания коммуникации, которое обеспечивает способность понимать друг друга. Идея трансверсального измерения разума и действия, по мнению многих исследователей, стимулирована процессами глобализации. Она выдвигает на передний план ценности плюрализма и коммуникации, многополярности мира и мультикультурализма, не нивелируя ценности и традиции интеллектуального поиска.

Итак, процессы переосмысления содержания понятия «рациональность» связаны с основаниями коммуникативной теории и практики. Представление о мультирациональном как условии свободного кооперирования разных логических типов и форм в условиях ситуационной неопределенности тесно связано с опытом процессуального видения, парадигматика которого задается динамикой становления коммуникационных отношений и связей. Мультирациональное выступает охранным принципом контекстуальности партикулярных горизонтов, условием динамики смыслов. Изучение генезиса мультирациональности связано с исследованием условий коммуникации, позволяющих преодолевать дискретность значений и одновременно сохранять континуум социального смысла. Предпосылки изучения фундаментальной референциальности разных логик, оценочных систем в пространстве социальных коммуникаций возникают благодаря активному развитию практики наблюдений за динамичными процессами в различных сферах социальной коммуникации. Изучение генезиса мультирациональности имеет важное значение для исследования концептуальных аспектов современной коммуникативной онтологии и средств информационного моделирования.

Литература

1. *Исаев А.Н., Шишко О.* Медиа культура, политика и социум: материалы международного симпозиума "Pro&Contra": медиа сознание / современная культура / медиа технология. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.artinfo.ru/eva/EVA2000M/eva-papers/200005/Isaev-R.htm> (дата обращения: 20.04.2002).
2. *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
3. *Библер В.* От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). М.: Изд-во политической литературы, 1991. 413 с.
4. *Werlen B.* Society, Action and Space. An Alternative Human Geography // With a Preface by Anthony Giddens. London and New York: Routledge.1993. №2.
5. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 286 с.
6. *Даниэль С.* Сети для Протея: проблемы интерпретации формы в изобразительном искусстве. СПб.: ИскусствоСПБ, 2002. 304 с.
7. *Вельш В.* Трансверсальность. Трансверсальный разум и разум вообще. Харьков: Изд-во Ун-та внешнего права, 1998. С. 102–113.
8. *Кузьмин А.А.* Трансверсальный разум как базовая ценность современной культуры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novsu.ru/file/26793> (дата обращения: 31.08.2012).
9. *Чукин С.Г.* Перспектива приходской колокольни против статуи Свободы: к полемике между коммунитаристами и ролзовцами // Политическая концептология. 2010. С. 103–135.